

И.А. ШМЕРЛИНА

ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ»: АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

Социология строится на интриге дистанцированного взаимодействия. Ее главная загадка и проблема — существование институтов — специфических социальных структур, которые регулируют отношения людей, не связанных ситуацией непосредственного взаимодействия.

Как известно, Э. Дюркгейм определял социологию как «науку об институтах, их генезисе и функционировании» [4, с. 405]. Известно также, что его анализ обращен не непосредственно к онтологическому статусу социальных институтов, а к присущей им принудительной силе¹, что отвечает его пониманию предмета социологии.

Для Дюркгейма «онтичность» института (то есть признание его некоей «собственной природы») вытекает из его реальности, реальность — из той принудительной силы, которой институт обладает, а принудительная сила базируется на историко-культурной укорененности коллективных способов действия и мышления. Этот, многократно отработанный в социологии, ход рассуждения хорошо эксплицирован в предисловии Дюркгейма ко второму французскому изданию «Метода социологии». Рассуждая о физическом и социальном давлении, об их отличиях и сходствах, Дюркгейм пишет:

«...приобретенные или унаследованные привычки в некоторых отношениях обладают тем же свойством, что и физические факторы. Они господствуют над нами, навязывают нам верования или обычаи... не нужно удивляться тому, что другие явления природы в других формах содержат тот же признак [принуждения], которым мы определили социальные явления. Это сходство происходит просто оттого, что и те и другие представляют собой реальные явления. А то, что реально, обладает определенной природой, которая навязывается... В сущности, это самое существенное в понятии социального принуждения. Все, что оно в себе заключает, — это то, что коллективные способы действия или мышления существуют реально вне индивидов, которые постоянно к ним приспособляются. Это

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. **Телефон:** (499) 120-82-57. **Электронная почта:** shmerlina@yandex.ru

¹ Э. Свидерски замечает: «...в вопросе, как Дюркгейм анализирует “социальное” (“sociality”), нет ясности, — он ...озабочен прежде всего проблемой социального принуждения» [11, с. 201].

вещи, обладающие своим собственным существованием. Индивид находит их совершенно готовыми и не может сделать так, чтобы их не было или чтобы они были иными, чем они являются... [В общественной жизни имеет место] закрепление, установление вне нас определенных способов действий и суждений, которые не зависят от каждой отдельно взятой воли... есть слово, которое, если несколько расширить его обычное значение, довольно хорошо выражает этот весьма специфический способ бытия; это слово “институт”. В самом деле, не искажая смысла этого выражения, можно назвать *институтом* все верования, все способы поведения, установленные группой. Социологию тогда можно определить как науку об институтах, их генезисе и функционировании» [4, с. 404–405].

Таким образом, социальный институт, по Дюркгейму, можно понять как устойчивые, инвариантные, *осажденные* формы обыденной практики:

«...эти формы бытия суть лишь укрепившиеся способы действия» [4, с. 420].

Подобная трактовка института сегодня кажется малоинтересной — она представляет собой «осаженный результат» социологической мысли и уже не содержит исследовательской интриги. К тому же происхождение «укрепившихся образцов действия» Дюркгейм трактует механистически как результат повторяющихся индивидуальных действий, что характерно для психо-индивидуалистической редукции, латентно свойственной его построениям. Вместе с тем, в дюркгеймовской трактовке социального института мы различаем ряд не развернутых до конца интуиций, что побуждает к экспликации онтологического аспекта дюркгеймовской концепции.

Прежде всего, «коллективная привычка», которая имеет общеприродное значение, в человеческом обществе приобретает, как подчеркивает Дюркгейм, «особую привилегию»: она закрепляется в виде некоей формулы. Полшага вперед — и мы подходим к идеально-понятийной трактовке социального института. Дюркгейм фактически делает эти «полшага» буквально в следующей фразе, где он пишет о *правилах, догматах и кодексах*:

«...некоторые из... образов мыслей или действий приобретают вследствие повторения известную устойчивость, которая, так сказать, осаждает их и изолирует от отдельных событий, их отражающих. Они как бы приобретают, таким образом, особое тело, особые, свойственные им, осязательные формы и составляют реальность *suī generis*, очень отличную от воплощающих ее индивидуальных фактов. Коллективная привычка существует не только как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, не встречаемой нами в области биологической, она выражается раз навсегда в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно. Таковы происхождение и природа юридических и нравственных правил,

народных афоризмов и преданий, догматов веры, в которых религиозные или политические секты кратко выражают свои убеждения, кодексов вкуса, устанавливаемых литературными школами и пр. Существование всех их не исчерпывается целиком одними применениями их в жизни отдельных лиц, так как они могут существовать и не будучи действительно применяемы» [5, с. 313–314].

Тот же «концептуальный» подход к пониманию социальных установлений человеческого общества звучит в следующем фрагменте:

«...если желают узнать политическое деление общества, состав его отдельных частей, более или менее тесную связь между ними, то этого можно достигнуть не при помощи материального осмотра или географического обзора, так как деления идеальны даже тогда, когда некоторые их основания заложены в физической природе. Лишь посредством изучения публичного права можно узнать эту организацию, так как именно это право определяет наши семейные и гражданские отношения» [4, с. 420].

Эти идеальные основания организации человеческого общества имеют свою собственную область существования: «они могут существовать и не будучи действительно применяемы» [4, с. 314]. Такая постанова вопроса очень близка идее потенциальности, составляющей существо концепции «третьего мира» К. Поппера.

Современные представления о природе социальных институтов в значительной степени восходят к идеям Э. Дюркгейма и Т. Парсонса. Анализ этих представлений позволяет выделить несколько концептуальных линий, вокруг которых формируется релевантное поле данной тематики.

Институты представляют собой продукт культурно-исторического развития. Они закрепляют некоторые (значимые) характеристики человеческой жизнедеятельности. Если держать в скобках аспект значимости, неслучайности, который подвергается ревизии в институциональном реализме, то это — один из наиболее бесспорных, инвариантных моментов, который присутствует в понимании институтов начиная с Э. Дюркгейма и Т. Веблена.

Институт, по Веблену, есть «привычный образ мышления», который «имеет тенденцию продлевать свое существование неопределенно долго»; «...институтами являются привычные способы осуществления процесса общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество»; «институты — это результаты процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» [3, с. 202, 204].

«Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан» [1, с. 92].

«История имеет значение, — этими словами открывается классическое произведение современного неoinституционализма... и настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества. Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым. А прошлое может быть понято нами только как процесс институционального развития»; «Зависимость от траектории предшествующего развития — это ключ к аналитическому пониманию долгосрочных экономических изменений» [9, с. 12, 144]¹.

Институты укоренены психологически. С потребностью исполнения институциональных требований связана значительная часть человеческих мотиваций. Эта дюркгеймовская идея также имеет статус бесспорного постулата в анализе институтов.

Д. Норт подчеркивает, что институты как созданные человеком структуры взаимодействия превращают ценностные представления индивида в важнейший фактор мотивации поведения:

«...институты меняют цену, которую мы платим за наши убеждения, и, следовательно, в решающей степени влияют на то, как мотивации, не связанные со стремлением к максимизации личной выгоды, определяют наш выбор» [9, с. 44].

«Институты,— писал Т. Веблен,— это, по сути дела, распространенный

¹ Зависимость от траектории предшествующего развития (path dependence) — идея, лежащая в основе «институционально-когнитивного подхода» Д. Нортона к анализу социальной динамики (в том числе динамики экономических систем). В своей Нобелевской речи он подчеркнул, что его теория отличается от неоклассических моделей двумя параметрами — признанием мотивирующего значения институциональных структур, воплощающих мировоззренческие комплексы («идеологии»), и вниманием к тому, как функционируют эти комплексы во времени: «Институты задают структуру стимулов, действующих в обществе, поэтому политические и экономические институты определяют собой характер функционирования экономики. Время же, применительно к развитию экономики и общества, — это особое измерение, процесс человеческого познания, обуславливающий эволюцию институтов» [10].

Анализ концепций институциональной динамики выходит за тематические рамки настоящей публикации, однако мы хотели бы обратить внимание на то, что в трактовке природы институциональных изменений Норт использует не только институционально-когнитивный подход, акцентирующий значение человеческой ментальности, но и эволюционно-экономический подход, парадигмально выстроенный на базе моделей биологической эволюции. «Со времен Чарльза Дарвина эволюционная теория оказывает мощное влияние на наше понимание социальной выживаемости...» — подчеркивает Норт [9, с. 119].

образ мысли о том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций; и система жизни общества, которая может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как превалирующая духовная позиция или распространённое представление об образе жизни в обществе... Институты — другими словами, привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди» [3, с. 201–202].

«Институты — это словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспосабливаем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную ткань институтов» [18].

Институты, — указывает Д. Норт, — «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике» [9, с. 17].

Проблема состоит в том, имеет ли эта психологическая укорененность «выход» на поверхность рефлексии, — то есть связано ли функционирование института (на уровне повседневных практик) с осознанным следованием институциональным нормам.

Институты связаны с повседневной рефлексией: те правила и ограничения, которые они включают, так или иначе *осознаются* людьми.

Свое крайнее выражение эта точка зрения находит в идее рационального выбора — теоретической установке, которая вызывает сегодня отторжение в институциональной мысли и инспирирует разработки не- или даже антирефлексивных моделей институционального поведения. Так, работа «Институциональный реализм» лидера одноименного направления Р. Грофстейна построена на каркасе концептуальной полемики с теорией рационального выбора.

Точка зрения, согласно которой институциональное поведение, рассматриваемое на уровне повседневных практик, невозможно без актуально протекающей рефлексии и рационального выбора, сегодня непопулярна. Тем не менее, трудно оспаривать, что некоторый момент понимания, осмысления, самоотчета в институциональном поведении существует. Это особенно отчетливо демонстрирует доказательство от противного: человек, действующий в тех или иных институциональных рамках, всегда имеет представление о санкциях, которые может повлечь отклонение его поведения от институциональных ожиданий.

В целом в рамках рефлексивно-психологического подхода под институтом онтологически можно понимать «социальную ментальность» — установки обыденного сознания относительно способа существования в обществе. Эти установки включают паттерны

статусно-ролевого поведения и «обыденные идеологии»¹ относительно них — более или менее осмысленные нормы, «идеологически» мотивирующие социальное поведение.

В некоторых современных концепциях, оппонирующих теории рационального действия, рефлексивная природа институционального поведения подвергается еще более жесткой ревизии.

Функционирование институтов происходит вне зоны сознательной рефлексии. В крайнем виде эта точка зрения представлена в институциональной концепции Дж. Сёрля, развивающего идею вне-рефлексивной институциональной компетенции. По Сёрлю, у человека существует биологически выработанный Background, который пропускает его к институциональным правилам — точно так же, как врожденная способность к лингвистической деятельности пропускает его к языку. Собственная говоря, здесь даже не требуется аналогия, поскольку сам институт Сёрль трактует как лингвистический феномен; следовательно, языковая компетентность автоматически означает «институциональную дееспособность».

«Язык, — пишет Сёрль, — в точности предназначен для того, чтобы быть самоидентифицирующим видом институциональных фактов. Дитя воспитывается в культуре, где оно учится распознавать звуки, которые исходят из его собственного рта и ртов других как нечто символизирующие, означающие или что-то представляющие. Это именно то, что я подразумевал, когда говорил, что язык не требует языка, для того чтобы быть языком, потому что он уже есть язык... Почему все институциональные факты не могут иметь этого самоидентифицирующего свойства языка? Почему нельзя воспитать дитя так, чтобы оно непосредственно воспринимало нечто как чью-то частную собственность или данный физический объект как деньги? Ответ заключается в том, что оно может [это делать]. Но в точности в той степени, в какой оно может это делать, оно воспринимает объект как символизирующий нечто помимо себя, оно воспринимает его как хотя бы частично лингвистический по своей природе» [21, p. 73].

Логическим завершением этих рассуждений является признание того, что язык, в конечном счете, и есть институциональная реальность: «Какова в

¹ Это соответствует тому пониманию идеологии, которое развивает Д. Норт: «Под идеологией я понимаю субъективное восприятие (модели, теории), которым располагают все люди для того, чтобы объяснять окружающий мир. Будь то на микроуровне индивидуальных взаимоотношений или на макроуровне организованных идеологий, дающих целостное объяснение прошлого и настоящего, таких как коммунизм или религии, — в любое случае *теории*, создаваемые отдельными людьми, *окрашены* нормативными представлениями о том, как должен быть организован мир» [9, с. 41].

точности роль языка в институциональной реальности? Я сказал, что нечто есть деньги, собственность или брак, только если люди думают, что это есть деньги, собственность или брак, но как могли бы они вообще иметь такую мысль, если бы у них не было языка? Более того, не является ли язык той в точности разновидностью социальной реальности, которую мы пытаемся объяснить?» [19, p. 115].

Таким образом, по Сёрлю, институты можно понять как стихийно сложившиеся, в конечном счете — лингвистические практики, опирающиеся на биологически укорененную предрасположенность человека к символическому поведению. Фактически это дает основание говорить об институциональных структурах как о врожденных программах поведения, что, собственно, и утверждается в концепции Дж. Сёрля.

Концепция Сёрля строится в открытой оппозиции к «библии» социального конструктивизма: в самом названии его работы — «Конструирование социальной реальности» — содержится, по мнению Э. Свидерски, открытое противопоставление его конструктивистской смысло-центричной методологии «социального конструирования реальности» [11, с. 197]. Однако фактически разница между названными подходами не столь принципиальна, как это представляется Сёрлю. В обоих случаях социальный институт укоренен в природе человека, у Сёрля — биологической, у Бергера и Лукмана — психологической. В обоих случаях ключевое значение придается языку, который, собственно, и конструирует институциональные структуры¹. И в той и в другой концепции сознательная рефлексия относительно последних не считается обязательным условием успешного функционирования института, хотя, по Бергеру и Лукману, институциональная невинность человека исчезает достаточно быстро — как только у него появляются дети². В целом схема Бергера и Лукмана, описывающая возникновение института как этапы рефлексивного восхождения вплоть до появления специальных теоретиков «институционального дела», представляется более убедительной, нежели концепция Сёрля

¹ «Язык предусматривает фундаментальное наложение логики на объективированный социальный мир» [1, с. 108].

² «Как уже отмечалось раньше, легитимация необязательна на первой стадии институционализации, когда институт — это просто факт, не требующий дополнительного подтверждения ни на intersubъективном, ни на биографическом уровнях; он — самоочевиден для всех имеющих к нему отношение. Проблема легитимации неизбежно возникает, когда объективации (теперь исторические) институционального порядка нужно передавать новому поколению. Как мы видели, на этом этапе самоочевидный характер институтов больше не может поддерживаться благодаря нашей собственной индивидуальной памяти и хабитуализации» [1, с. 152–153].

с присущей ей натуралистической категоричностью¹.

Теоретическая позиция, согласно которой институциональное поведение воспроизводится «вслепую», на наш взгляд, преувеличение, объяснимое реакцией на избыток рефлексии в теориях рационального действия. Социальная компетентность человека, позволяющая ему действовать автоматически в привычном институциональном контексте, отнюдь не превращает его в социального зомби. Как справедливо заметил А.Д. Ковалев, «и неформальные правила должны быть как-то осознаны» [6], не говоря уже об институциональных нормах, имеющих юридическое закрепление.

Институты связаны со специализированной рефлексией и находят выражение в юридических нормах. Эта традиция, восходящая к Дж. Коммонсау и отвечающая самому происхождению понятия институт, сегодня непопулярна, хотя и встречается в экономической литературе.

«Институт — ...совокупность норм права в какой-либо области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства...» [7].

Более распространен подход, выраженный, в частности, Нортом, который выделяет три институциональных среза: формальные правила, неформальные ограничения и эффективное обеспечение соблюдения этих правил и ограничений [9, с. 26].

«Институты, — пишет Норт, — включают в себя все формы ограничений, созданных людьми для того, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям. ...Они бывают и формальными, и неформальными... Институты могут быть продуктом сознательного человеческого замысла — как, например, Конституция США, или просто складываться в процессе исторического развития, подобно обычному праву»;

«...институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом. Они абсолютно аналогичны правилам игры в командных спортивных играх. Иными словами, они состоят из формальных писаных правил и обычно неписаных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их — например, запрещают сознательное нанесение травмы ведущему игроку противника...» [9, с. 18–19].

На вопрос, является ли правовой аспект обязательным для института, мы бы дали скорее положительный ответ. Безусловно, институт

¹ Справедливости ради надо сказать, что в одной из более поздних работ [19] Сёрль в усеченном виде фактически воспроизводит схему Бергера и Лукмана. Однако детальное рассмотрение социологических воззрений Сёрля не входит в задачу настоящей публикации (см. об этом: [15]).

нельзя сводить к нормам права — в этом случае теряется просто необходимость в нем как отдельной категории. Вместе с тем, уже само рассмотрение тех структур, которые обычно относят к институтам, как то — государственно-политические системы, семья, церковь, структуры материального и духовного производства, институты собственности и образования, медиаструктуры и проч. — заставляет признать правовой аспект обязательным: каждая из этих систем имеет достаточно четко определенные формальные «ограничения». Обязательность нормативно-юридического аспекта при определении института особенно отчетливо проступает в сопротивлении, которое встречаются в научном узусе такие выражения, как «дружба как социальный институт», «любовь как социальный институт». В то же время практика словоупотребления свободно допускает сочетание «брак как социальный институт».

Разумеется, институциональные ограничения могут выступать не только в виде юридической системы современного цивилизованного общества, но и в виде «обычного права» (о чем пишет и Норт в приведенной выше цитате). Несомненно также, что внутри института, имеющего то или иное правовое оформление, могут существовать требования, не имеющие правового аспекта (например, психологические аспекты взаимоотношения в семье, обращение на «ты» или «вы» среди родственников и т. п.). Тем не менее, аспект формальных ограничений кажется нам обязательным в определении института, без него, как нам представляется, нет и самого института.

В связи с этим правомерно поставить вопрос, можно ли считать институтами систему морали, систему языка? И Дж. Сёрль, и один из его критиков Ф. Колин [16, с. 352] рассматривают язык именно как институт. Мы полагаем, что это неправильно. В конце концов, так можно назвать институтом все, что так или иначе связано с культурным оформлением жизнедеятельности человека. Важным аргументом против институциональной трактовки морали или языка является то, что ни одна из этих систем не предусматривает ролевого поведения, в то время как после Парсонса институт невозможно понимать вне статусно-ролевого континуума. По-видимому, и язык и мораль в какой-то своей части (но никогда — целиком) приобретают институциональный статус, когда начинают обслуживать отдельные институциональные комплексы. Язык тогда превращается в терминологию, обязательную для исполнения в том или ином «социальном анклав», а мораль, включенная, прежде всего, в религиозные и правовые комплексы, дает ценностное обоснование соответствующим нормам. Важно подчеркнуть, что процесс институционализации затрагивает язык и мораль всегда частично, но никогда не превращает их в отдельные самодостаточные институты. Ни язык, во многом основанный на биологической предрасположенности к лингвистической деятельности, ни мораль

сама по себе, как плохо структурированный комплекс представлений о том, «что такое хорошо и что такое плохо», институтами не являются. В целом теория Парсонса дает вполне определенный ответ о соотношении института и морали. В ее рамках институты предстают как структурированная статусно-ролевая (то есть — формальная) система, легитимированная ценностным образом. Иначе говоря, мораль есть специфически человеческая смысловая легитимация, связанная с «конечными смыслами» человеческого существования¹, но не есть институт как структурная рамка последнего.

Понимание института как системы, возникающей благодаря рефлексии и поддерживаемой рефлексией, кажется нам вполне работающим подходом к проблеме. Однако мы полагаем, что рефлексивный момент институционального не сводится ни к правовым аспектам как таковым, ни к моменту обыденной психологической легитимации общественного устройства. Скорее он связан с процессом, который Финн Коллин удачно назвал «*конструирование путем идеализации*» [16, с. 347].

Идеализирующая природа институциональных фактов. Идеализирующая концепция Ф. Коллина представляет собой наиболее тонкое, на наш взгляд, проникновение в природу социального института. В данной концепции мы различаем то понимание «особой природы» институциональной реальности, которое есть у Дюркгейма и которого нет в изложенных выше трактовках социального института. Последние не позволяют отвлечься от субъекта в той мере, в какой это делает Дюркгейм, и подойти к осмыслению «третьемирной» природы социального института. Ф. Коллин тоже не заходит так далеко, чтобы придать социальному институту статус «обитателя третьего мира» и прямо возражает против этого. Однако по ряду позиций его концепция близка к пониманию института как особого рода духовной реальности (чем, собственно, и вызвано его обращение к попперовской модели).

Точка логического напряжения, из которой исходит Ф. Коллин, связана с осмыслением того хорошо известного обстоятельства, что между институциональными предписаниями и реальной практикой их исполнения всегда существует более или менее заметный зазор. Именно в этой лакуне и покоится, как утверждает Коллин, автономия институтов. Последние создаются, по мысли автора, путем особого рода социального конструирования — «*конструирования путем идеализации*».

¹ Ее можно понимать, по У. Матуране, как осознанную систему отсчета, «которая согласуется с ...желаниями [человека]... и определяет функции, которые должны быть удовлетворены миром... в котором он хочет жить» [8, с. 141].

Институциональные предписания, то есть некие идеальные представления о том, как *«следует поступать»*, — пишет Коллин, — «не возникают вследствие соглашения между людьми или индивидуального решения некоей авторитетной персоны, но представляют собой результат идеализации и проектирования — процессов, превосходящих горизонт актуальной социальной практики» [16, с. 347].

Коллин обращает внимание не только на проблему отклонений реальной институциональной практики от соответствующих правил, но и на другое, более тонкое различие между тем, что актуализируется в жизни и что остается как потенциальный запас институциональных норм.

Существование лакуны «между идеальным содержанием конвенции и реальными решениями, сопровождаемыми соответствующим поведением людей» «не оставляет, — по мнению Коллина, — места для такой трактовки конвенционально основанных социальных фактов, которая просто идентифицирует их с определенными паттернами человеческого поведения и структурой интенций, которая их порождает. Конвенции, особенно тот их тип, который мы называем институтами, представляют собой идеализированный продукт человеческой рефлексии и экстраполяцию социальной практики; следовательно, они всегда трансцендируют за пределы конкретной мысли или действия, которые лежат в их основе»;

«...многие конвенции, особенно те, которые называют “институтами”, обладают определенной независимостью от социальных процессов, которые стоят за ними. Конвенциональные (институциональные) факты есть некоторым образом идеализации или экстраполяции этих социальных фактов и, соответственно, выходят за их границы» [16, с. 347, 351].

Заметим, что даже Бергер и Лукман, несмотря на принципиально декларируемую интенцию укоренять институты в повседневных практиках, признают относительно самостоятельный модус существования институтов, которые в определенном отношении (для Бергера и Лукмана — на определенной стадии легитимации) представляют собой теоретический проект:

«На этой стадии сфера легитимаций начинает достигать сравнительной самостоятельности относительно легитимируемых институтов и в конечном счете может привести к возникновению своих собственных институциональных процессов» [1, с. 156].

Организационные аспекты институциональной реальности.

Этот вопрос также относится к числу спорных и дискутируемых. Традиция включать в понятие институт организационные структуры идет, по-видимому, от институционализма и здесь же она встречает сегодня наиболее сильное сопротивление. Так, Д. Норт решительно разводит институты и организации:

«В настоящей работе, — пишет он, — проводится принципиальное различие между институтами и организациями. Подобно институтам, организации структурируют взаимоотношения между людьми... С теоретической точки зрения важно четко отделить правила от игроков. Правила призваны определять то, как ведется игра. Но цель команды, которая действует по этим правилами, — выиграть игру, сочетая умение, стратегию и взаимодействие игроков, пользуясь честными приемами, а иногда — и нечестными. Моделирование стратегий и навыков, складывающихся по мере развития команды, — это совсем другой процесс, нежели моделирование создания и развития правил и последствий их применений»; «Необходимой предпосылкой для разработки теории институтов является отделение анализа правил игры от стратегии игроков» [9, с. 19–20].

В социологии единодушия по проблеме также не наблюдается. Согласно одной точке зрения, социальный институт «следует отличать от конкретных организаций и социальных групп» [12, с. 116–117]. Согласно другой, понятие института органично предполагает включение в него организационного аспекта.

«Социальный институт — совокупность норм, предписаний и требований, связанных с определенной организационной структурой, посредством которых общество контролирует и регулирует деятельность людей в наиболее важных сферах общественной жизни» [13].

По мнению М.Ф. Черныша, организации должны входить в категорию социального института, поскольку они содержат момент “enforcement” — то есть обладают ресурсом воплощения норм и правил в жизнь [14].

На наш взгляд, в рассмотрении столь сложного, ускользающего феномена, как социальный институт, на первом этапе анализа полезно принять простой, «заземленный» взгляд на вещи. Какие социальные явления обычно называются институтом? «Где» находятся институты? Если исходить из подобной «наивной стратегии», нетрудно заметить, что первый и необходимый признак, *симптом* существования институтов — это наличие организации, реализующей институт. Сквозь призму этого критерия становится очевидно, что не существует института языка, института любви или дружбы, но есть институты образования и воспитания, институты брака, экономической деятельности и т. п.

Институт возникает там, где есть интересы, где происходит конкуренция за ресурсы. Институт оформляет эту конкуренцию; он всегда воплощает власть, властные отношения. Вследствие этого и необходима организация. Задача институциональных организаций — реализация формально-правовых, эксплицированных правил и ограничений путем введения соответствующих механизмов контроля, регулирования и принуждения. Поскольку институциональные правила создаются в ресурсно важных пунктах, правомерно их ожидать в области брачных отношений, но не сфере любви и дружбы.

Включать ли собственно организацию в объем понятия институт — в конечном счете не более чем вопрос аналитической целесобразности. Если рассматривается непосредственно организационное строительство как воплощение институциональной логики («институциональных правил»), это будет, возможно, оправданно. В любом случае подчеркнем — не существует институтов без организаций. Именно поэтому неправильно, например, говорить «институт социального неравенства». Есть — явление социального неравенства и институты (политические, правовые, силовые, идеологические), которые это неравенство обеспечивают. В нашем представлении, организации не есть воплощение «онтологии» института, но они выступают безошибочным симптомом существования последнего.

Поведенческие аспекты институциональной реальности.

Тенденция включать в понятие социальный институт повседневную практику, складывающуюся в соответствующей зоне институциональной регуляции, отвечает современному стилю социального теоретизирования. Данный подход акцентирован в направлении «институционального реализма», отражающем рефлексии экономической теории по данной проблеме. В современной социологии, с ее повышенным интересом к феноменологическим и процессуальным аспектам повседневности, вопрос о включении обыденного статусно-ролевого поведения в категорию институт также решается скорее положительно¹.

В нашем представлении, однако, за институтом следовало бы оставить статус идеальной конструкции, а аспекты ее воплощения (организационные и неформально-поведенческие) определять в другой терминологии. Институт есть а) система норм — а не учреждений, б) система нормативных ожиданий — а не реального поведения, «ответственного» за подвижный аспект этих нормативных ожиданий. Подобный подход, исключая поведенческую (по неизбежности — конкретную, единичную, процессуальную) составляющую, позволяет рассматривать институты во «внеиндивидуальной плоскости» — как реальность «особого рода».

Исходя из приведенных выше подходов, *онтологически* под социальным институтом можно понимать четыре типа реальности: нормы права, установки обыденного сознания, повседневные статусно-ролевые практики и организации. Эти подходы показаны на схеме, которая воспроизводит две онтологические оси: первая противопоставляет ментальные и поведенческие феномены, вторая — обыденный и официальный (формальный) уровень жизни.

¹ М.Ф. Черныш: «...Для социолога логично включить еще повседневные практики» [14].

Схема. Онтологические представления о природе институциональной реальности

В эти четыре квадранта могут быть помещены практически все определения, встреченные нами в литературе. В правой части схемы располагается все, что можно назвать «правилами поведения», она воспроизводит менталистский подход. Согласно этому подходу, институты представляют собой *совокупность правил поведения*, понимаемых в самом широком смысле. Эти правила могут быть названы нормами или представлениями о статусах и ролях — в любом случае речь идет об определенных ментальных конструкциях, укорененных в обыденном или специализированном сознании.

Левая часть схемы содержит поведенческие подходы к пониманию институциональной реальности, согласно которым институты есть то, что находит проявление в реальной практике, официальных или неофициальных паттернах взаимодействия, сложившихся в определенных сферах жизни.

К этому подходу тяготеет синтезирующее онтологическое решение, предложенное институциональным реалистом Р. Грофстейном. Радикализируя представление об институте как о такой «социальной вещи», которая доступна непосредственному наблюдению (которую «можно наблюдать, снимать, регистрировать, короче — трогать... пальцами» [2, с. 187]), он полагает, что под институтами следует понимать людей — «живых, в плоти и крови, индивидов» [17, р. 23], в поведении которых реализуются поведенческие паттерны, воспроизводящие и поддерживающие институциональное принуждение:

«*Институт* представляет собой импозантный термин, уместный для обозначения социальной сущности, а именно, совокупности людей, поведение и поведенческие диспозиции которых обеспечивают в целом стойкое институциональное влияние на социальные события»;

«Институт — ...представляет собой физическую совокупность участников, организованных таким образом, что их поведение, в своей совокупности, служит воспроизводству соответствующей регулярности их поведения» [17, р. xi, 16].

Эти определения по сути своей тавтологичны: институт — это то, что есть институционального в поведении людей. Впрочем, сам Грофштейн не видит здесь большой проблемы, поскольку для него институты в конечном счете есть просто люди:

«...индивиды есть компоненты института...»;

«Институты... представляют собой физические целостности, состоящие из людей как своих частей... Так, электоральные институты состоят из живых, в плоти и крови, соревнующихся кандидатов, голосующих избирателей, наблюдающих официальных лиц, регистрирующих регистраторов... важно отметить, что в своем отношении к каждому участнику институт представляет собой различимую, но не обособленную сущность» [17, р. 104; 22–23].

Для понимания столь безыскусного отношения к сложной проблеме онтологии социального полезно воспроизвести философско-методологическую позицию Р. Грофштейна: она состоит в отрицании плодотворности онтологического различения уровней социального анализа.

«Я определил, — подчеркивает он, — институты в категориях живых, во плоти и крови, индивидов, в то время как некоторые определения фокусируются на определенных абстрактных поведенческих отношениях между ними». «Разговор о (поведенческих) системах или “уровнях анализа”, который был популярен среди социальных теоретиков в 1950-х и 1960-х, только затемняет принципиальное онтологическое различие между вещами и их описаниями. Таким образом, я говорю “да” уровням *анализа*. Некоторые характеристики объекта являются более общими, нежели другие... Однако я говорю “нет” *уровням анализа*. ...Обладание социальной идентичностью полностью консистентно с бытованием в качестве физического объекта. Анализ на различных “уровнях” остается анализом той же самой вещи, описанной различным способом. Различные уровни анализа, таким образом, не означают различных уровней реальности... действия и реакции участников институционального отношения, таких как хозяин и раб, вписаны в тела этих акторов и других связанных с ними сторон. Как и уровни анализа, поведенческие диспозиции каждого могут быть поняты в категориях непосредственного описания вовлеченных [в институциональный процесс] людей. Нет необходимости обращаться к возрастающей сложной иерархии уровней реальности» [17, р. 23–24].

Если исходить из такой философско-методологической основы, нельзя не согласиться с Грофштейном в том, что «фактически его [института] существование не более и не менее проблематично, чем существование самих участников» [18, р. 90].

На деле позиция Грофштейна — не онтологическое решение, а уход от него. Можно согласиться с тем, что институты — это и есть люди, однако это не освобождает от необходимости думать о том, *что именно* в людях относится к институтам. Очевидно, что не дыхание и не кровообращение. По-видимому, речь должна идти о неких элементах поведения. Каких? Скорее всего, связанных с коммуникацией и необходимостью регулировать наиболее «узкие места» последней. Одним словом, хотим мы этого или не хотим, но проблема социальной реальности, выходящей за границы физических тел ее носителей, все равно так или иначе будет актуализирована.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Издательство «Медиум», 1995.
2. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–207.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
4. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. С. 391–532.
5. Дюркгейм Э. Метод социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков / Под ред. В.И. Добренко. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 309–365.
6. Ковалев А.Д. О природе социальных институтов: Выступление на семинаре Института социологии РАН, 25 мая 2005 г.
7. Кураков Л. Экономика и право: Словарь-справочник [онлайн]. Дата обращения 23 августа 2007 г. URL: <<http://vocabulary.ru/dictionary/80/word>>.
8. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Издат. группа «Прогресс», 1995. С. 95–142.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; Предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
10. Норт Д. Функционирование экономики во времени (Нобелевская лекция; 9 декабря 1993 года) // Отечественные записки. 2004. № 6 [онлайн]. Дата обращения 26 сентября 2008 г. URL: <<http://www.strana-oz.ru/?numid=21&article=981>>
11. Свидерски Э. Лекции // Методические материалы к сессии «Теоретическая социология», 3–30 июня 2004 г. М.: Национальный фонд подготовки кадров, Институт социологии РАН, Российский университет Дружбы народов, 2004.

12. Современная западная социология: Словарь / Сост. Ю.Н. Давыдов, М.С. Ковалева, А.Ф. Филиппов. М.: Политиздат, 1990.
13. Социальный институт [онлайн]. Дата обращения 15 января 2006 г. URL: <<http://www.glossary.ru>>.
14. *Черныш М.Ф.* Выступление на семинаре «О природе социальных институтов» Института социологии РАН, 25 мая 2005 г.
15. *Шмерлина И.А.* «Натуралистический подход» Дж. Сёрля к проблеме институциональной реальности // Социологический журнал. 2005. № 2. С. 37–67.
16. *Collin F.* Social Reality. London: Routledge, 1997 // Сессия «Теоретическая социология» (3–30 июня 2004 г.): Методические материалы / Национальный фонд подготовки кадров, Институт социологии РАН, Российский университет Дружбы народов. М.: Федеральный центр переподготовки преподавателей социологии, 2004. С. 296–384.
17. *Grafstein R.* Institutional realism: the social and political constraints on rational actors. New Haven and London: Yale University Press, 1992.
18. *Hamilton W.* Institution // Encyclopaedia of the social sciences. New York, 1932. Vol. VIII. P. 84 [цит. по: *Сорокина С.Г.* Торстейн Веблен и его книга «Теория праздного класса» (Вступительная статья) // Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Издательство «Прогресс», 1984. С. 5–54.]
19. *Searle J.R.* Mind, language and society: Philosophy in the real world. New York: Basic Books, 1999.
20. *Searle J.R.* Social ontology and political power. February 4, 2003 [online]. Date of access February 14, 2005. URL: <<http://www.law.berkeley.edu/cenpro/kadish/searle.pdf>>.
21. *Searle J.R.* The construction of social reality. New York: The Free Press, 1995.